

Юлия Олейникова

СКАЗКИ ДЛЯ ЖЕНЩИН

16+

Юлия Олейникова
Сказки для женщин

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Олейникова Ю. В.

Сказки для женщин / Ю. В. Олейникова — «ЛитРес: Самиздат»,
2011

В книге живо и непосредственно представлено мироощущение современной молодой женщины. Напряженный драматизм и опасные приключения в «Корсиканской пленнице» дополняются короткими рассказами, полными живых зарисовок, впечатлений, забавных казусов. Как стать желанной? У каждой героини в этой книге есть своя сказка, своя история, ответ на этот вопрос... Вся книга – это диалог с читателем о том, как поверить в сказку, сделать так, чтобы она сбылась, сохранить любовь к миру и к себе.

© Олейникова Ю. В., 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

Содержание

Корсиканская пленница	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Корсиканская пленница

1

– Владимирская Богоматерь, миленькая, ты такая хорошая, ну, пожалуйста, пошли мне мужа, моего, желанного, преданного, чтобы не изменял.

Стою, плачу. Что плакать! Нет времени. Сейчас нужно идти в школу. Вызывают: сын учится еле-еле, ведет себя плохо. Это они плохие, а сын – умница, гений. Очень им хочется красивой женщине читать мораль, потупить мой пронизательный взгляд, убрать счастливый блеск в моих глазах. Пойду, еще шоколадку купить нужно, а лучше – две. Подарить, подсластить.

Я Вам, только Вам дарю, любите моего сына, уважайте его!

Листаю молитвослов, вот, нашла: молитва за учебу, за отрока. Может, поможет?.. Звонок из брачного агентства:

– Алё. Танцуй!

– Неужели получилось?!

– Письмо на французском языке. Фотография: черное пальто, портфель – солидный. Приходи, будем переводить.

Вот оно! Принц мой! Никому не отдам! Буду пирожки стряпать, встречать с улыбкой. Никогда не спрошу: «Где ты был?», буду так: «Солнышко мое! У тебя все хорошо?» А потом... кухня, оторвать взгляд друг от друга не можем.

Если вспомнить, посчитать, сколько их было... И все – «принцы», все «на коне». Всех любила. Ждала. А бывало... сразу двух, в процессе, по очередности. Сегодня тебя люблю. Завтра... опять люблю. Это есть такое: что главное, не знаешь, обязательств не даешь и ничего не просишь, ведь если мужчина не муж, это подразумевает «любовь встреч», а к чему они приведут?.. Либо к привязанности, либо к перенасыщению.

А на всю жизнь – вот оно – счастье!

Одна... Прижаться не к кому. Всплакнуть. Друзья все уверены, что столько лет без мужа – это карма. Все сама: хозяйство, дом, машина,

работа, досуг, сын. Устала... Хочу любви настоящей!

Письмо в длинном конверте от иностранца. Никому не скажу, чтобы не сглазили. Незачем. Читаю письмо. Это он... такой-то... такой-то... да я уже люблю, обожаю его!!! Ждать не хочу. Главное, что он мечтал о такой, как я. Вы, говорит, МАДОННА. В Европу поедем и жить будем в райском уголке континента – на французском корсиканском острове. Где это?.. Карту! Вот он – островочек! Здесь живет моя судьба! Мое. Не спорить!

И затаилась... К Зине, что ли, сходить, погадать? А вдруг скажет, что не ездить?! От зависти. Счастью чужому никто радоваться не может.

Подруги сглазят, друзья будут смеяться... Вражеский мир, а там – мое! Деньги пошли, заработки. Приеду, отремонтирую квартиру, заберу сына и все! Мы – там, Средиземное море! Красота! Корсика!

Что-то скрипит, поет, из одного в другое переливается: не тревога, не печаль, не грусть и не предчувствие... Но, тяжело на душе...

Владимирская Богоматерь, матушка, что это?! Рука непроизвольно тянется к молитвослову, ищу поддержки – в чем? Если все так хорошо. Что хорошо? Опять сумбур, а рука тянется.

«Живи в помощи Всевышнего, в крове Бога Небесного...» – девяностый псалом читаю. Утром и вечером. Для чего? Не знаю, но читаю.

Душа рвется на части от любви к ней, к мечте, люблю его изображение на фотографии. Все встречи отменить! Ведь женщина в грехах – она невинна, она чиста... она любит уже мужа! Он же муж?! Он же пишет!

А они здесь со мной чужие. Они сглазят, усомнятся, не допустят!

– Пусть он мне звонит каждый вечер и говорит что-нибудь по-французски. Я все пойму. Я к нему буду привыкать.

– Ладно, скажу, – согласилась подруга-переводчица. Верит, твердо верит.

И вот вечер... И я, как Лис из «Маленького принца», сознательно приручаю себя. Так просто в одно время и ждать звонка, и дожидаться. И опять ждать... его... голоса в ту важную для меня назначенную привычную минуту. Тишина в комнате. Все убрано, что может отвлечь: сотовый, музыка. Закрывать окна.

И вот звонок: голос смеется, теплый, а я стараюсь говорить таким бархатным, нежным. Смех у меня, как колокольчик, ну, это мне так кажется. Я же его отработывала, прослушивала, это же первый контакт.

Он, мой принц, мечтает обо мне! И я лечу к нему.

Дорога в Москву. Посольство – это враг, который будет мне мешать. Страх! И тут проskalъзывает мысль: я ничего поделать не могу, я нахожусь в полной зависимости от Божественного решения. И моя молитва одна: «Господи, не оставь меня на моем пути! Разреш все сам!»

Я стою в посольстве, как бесправная нищенка, которая ждет просто, чтобы в ее ладонь вложили визу на выезд.

Советоваться с кем-либо страшно. С Богом не поговоришь, а только уповаешь...

Посольство, очередь в три кольца. Оделась скромно, не красилась.

Заветное окно:

– Вот пакет документов.

– Девушка, Вы его знаете?

– Да, он мой лучший друг.

– Вы уверены в нем?

– Да, он замечательный человек, и я еду к нему по приглашению его семьи. (Вру.)

– Во Франции можно попасть в неприятную ситуацию, связанную с проституцией.

На стене посольства предупреждающие объявления того же содержания. Да здесь все одни враги! Да они не хотят мне счастья, мне – красавице, да я заслужила его!

Наконец, в руках виза. Ноги подкашиваются от усталости. Внутри томится и ноет. Куда идти? К ней. К моей заступнице.

Третьяковская галерея. Часовня. Вниз по лестнице, и вот она, моя любовь – икона Владимирской Богоматери. Стою – читаю псалом. Целую икону. Да мы же встречались! Помнишь?

Я приходила к тебе много лет назад, еще студенткой. В молодости время по-другому оценивается, в словах «много лет» – это от одного до пяти, чего – неважно, главное, было, а если повезло, значит, есть. Вот молоденькая девушка рассуждает незатейливо, при этом уверенно:

– Мы знакомы давно.

– А сколько?

– 5 месяцев...

С возрастом «мы прожили долго» – это уже десятилетия.

Тогда Владимирская Богоматерь была в общей композиции, служащая музея сказала, что икона чудотворная. Это была первая икона, которой я помолилась. Я тогда еще в Бога не верила, но была мечта:

– Матушка, пожалуйста, мне очень нужен муж, достойный меня.

Как потом оказалось, что мы просим, то и получаем. Осторожнее просить нужно. Тогда я еще не понимала рокового смысла произнесенной фразы... И вот опять мы вместе. Всегда считала себя дамой самонадеянной, а тут молюсь и остановиться не могу:

– Матушка, за сына, за свою семью прошу, здоровья им, они мои! Вот тут я без тебя не могу! Помоги мне, не оставь меня, вразуми меня. Огради меня.

По возвращении домой собираюсь в дорогу. Никаких долгих проводов не допускаю. Избегаю разговора. Ну, что мне скажет моя мама? Сейчас начнет. Хочу убежать. Пасмурно, мы встретились с мамой на дороге. Я иду с одной стороны, она с другой:

– Извлекай из всего пользу, я надеюсь на твою проницательность, прислушивайся к себе. Что это за совет?! Бежать от нее!

Аэропорт. Отец и сын. Отец меня провожает всегда. Помню сон, провода, я и высокий мужчина.

– Берегите мою дочь.

Сегодня я одна, и папа говорит эти слова:

– Береги себя.

Вдруг я начинаю плакать, сильно плакать, я прижимаю своего сына, целую ручки, глазки. Уезжаю!!! Мысль: я их больше никогда не увижу! Куда я еду?! Я их больше никогда не увижу! Господи, не оставь меня! Откуда эти мысли? Зачем? Там на Корсике... Он любит! Он ждет! Я еду... Я их не увижу... Папочка, сыночек, папочка, прости меня!

В самолете. Где же молитвослов? А вот... Девяностый псалом читаю, читаю... Вхожу в какое-то состояние, не ведая и не осознавая, я начинаю говорить с кем-то. С собой? Такого никогда не было. Для чего все это, что будет?! Я одна...

2

Париж. В самолете вкусно кормили. Положила в карман мини-шампанское: пригодится. Стюардесса улыбалась, как родная. И вот аэропорт. Куда идти? Да я же английского, не то что французского не знаю. Где он? Глазами перебегаю от лица к лицу... Как мне быть? Вдруг не пришел? И что же, я не узнаю: чем все это кончится?! Иду в потоке людей...

– Машер!

Меня окликнули? Все... Ко мне подходит мой мужчина, которого я ждала, к которому приехала, которого люблю, конечно, люблю, да и он... Белый плащ, огромные выпуклые глаза, лысый, портфель, холодные руки.

Ощупывает, целует меня. Вот он, мой долгожданный, любимый. Ну и ладно, что он такой, чуть не такой, какой должен быть, но он есть, вот стоит, лопочет по-французски. Как я устала... Я одна... Мысли сосредоточились на моей жизни, волнуются, перегоняя, отталкивая друг друга, пытаются успокоить меня, все уладить, поприветствовать, ведь я уже на Корсике, запах моря, зелени окружил меня.

Как мне отсюда бежать? ЗДРАВСТВУЙТЕ! А это что за мысли? К чему? И все же... Вот аэропорт, нужно запомнить дорогу, вот поля, через них – и на взлетную полосу: «Спасите, я добрая русская».

Жмет, целует, ну и хорошо, что любит, а сумбур в голове уляжется, это так, от напряжения, смена климата и всякое такое. Устала, сейчас придем, познакомимся, отдохнем, и он повезет меня в шикарный ресторан, купит мне красивое платье. И мы будем любить друг друга всю жизнь!

Чисто убранная квартира. И все на своих местах, как я люблю: ручка параллельно столу, блокнотик перпендикулярно ручке. Показывает помадку мне, крем, тапочки, халатик. Приготовился, ждал. А где еда?.. На столе хлеб, сыр плавленый, паштет, чай. Он, наверное, не успел потратиться к моему приезду. Пустяк. Взгляд его скользит мимо меня, чуть касается крайней точки моего уха. Вот я! Посмотри, мы же любим друг друга!

В зале мебель аккуратно выстроена в логическом, строгом порядке: шкаф, стол, комод, кресло, телевизор, компьютер старенький, я таких никогда и не видела, наверно, такие были еще давно, до того, как я начала мечтать о принце.

– Можно, я позвоню маме?

– Ван минит: очень дорого.

– Мамочка, я доехала, все хорошо.

Стоит напротив меня, ну и стой, дорогой, любимый, ненаглядный.

Утром стало страшно. Идет с разговорником ко мне, указывает трясущимся пальцем на слово «здоровье», а у меня самой мысли осели в нерешительности о завтрашнем дне: вдруг СПИД!?

В поликлинике сдали анализы. Мы здоровы! Радостные... Завтракать мы, наверно, попозже будем. И вот опять хлеб, паштет, сыр плавленый.

– Любимый, покажи мне Корсику.

– Вот она, – разводит рукой, стоя на балконе.

Там, очень далеко, за морскими туманами – остров Святой Елены, где Наполеон умер в изгнании. Тут, он родился, а там был одинок и умер... И, наверно, отчаянно сквозь туман пытался рассмотреть свой родной остров. О чем он думал? О своей любимой, о народе, о здоровье, о маме?..

А вот он, моя мечта. Дни идут: один, второй, паштет, сыр плавленый, чай...

– Письма можно отправить?

– Марки дорогие.

Ну, такой он – бережливый.

Что-то здесь не так. Ну надо же, какая я догадливая. Голод усилил, углубил мои мысли. Мамочка, мамочка, ты сказала мне: прислушивайся к себе.

Каждый вечер: «Машер, променад».

Хоть так себя развлечь, гуляя по корсиканским ветвящимся улицам, по пристани с огромными кораблями и туристами, а я, по-моему, уже не туристка, а экстремистка: я его ненавижу. Ноги устали, на пальчике мозоль.

– Сесть можно?

Толкнул меня:

– Иди. За место нужно платить, а у тебя есть мани? Ты хотела, чтобы я все тебе приносил на блюдечке, кормил?! Ха-ха.

Бегает, кричит громко так, по-французски. Ударил. Стоп! Мысли, сотрясенные, сразу забегали в голове туда-сюда: «Сделаю еще хоть один необдуманный шаг, убьет и никто не узнает... Ну, он же любит... бредни... да нет же, он хороший, просто чуть странный... Хочешь жить – рой окопы и выжидай, а необдуманных поступков не делай, не провоцируй...»

– Мерд!

Все у него «мерд», что по-русски «гадость». Люди – «мерд», дети – «мерд», все – «мерд»!.. Устала, есть хочется. Сейчас он успокоится, может, у него проблемы, я его вылечу своей любовью. Да и про деньги уговора не было, а они есть, спрятаны, свернуты в тампоне, в упаковке лежит тысяча долларов. Но не сейчас, сильно уж кричит, как-то страшно, сейчас не оценит, отберет.

Дни идут. Лежа на балконе, я пишу письма, которые вряд ли отправлю, и молюсь. Уходя, он закрывает на ключ дверь, прячет провода от компьютера и телефона. Я делаю вид, что все хорошо и замечательно. Мне страшно. Бежать! Что-то не так: он же в отпуске, куда он уходит так надолго? Матушка, Владимирская Богоматерь, я спорила с мамой, я кричала из-за каждого пятна, злилась по поводу крошки на ковре. Тут я с ним, в своем грехе, вот он: эта чистота до жути, а счастья нет, и он – дьявол в образе человека, рычит, хрипит во сне. Проснусь, смотрю и думаю, как мне быть? Я говорила, что хочу мужа, достойного меня: уже ль я так страшна? Я исправлюсь! Мамочка, родненькая, я так тебя люблю, прости меня, мамочка!

Сколько прошло дней... И вот он, счастливый, гордый: «Мы едем на море, ты чуть заго-ришь, подрумянишься».

Свобода! Волны, медузы. Внимательно следит за мной. Жить хочется. Меня спасет любовь. Это плен. Жесткие игры. Мы начинаем. Ни слова против. Улыбка, нежность, ласка.

Искать путь к побегу. Он ничего не должен понять. Я для него влюбленная нищая русская. Что происходит; кто он – не знаю. Плавает вместе со мной...

В квартире, когда я иду в ванную, выключает там свет, объясняя, что «все дорого». Если захожу куда-либо по нужде, стоит за дверью, сторожит. Для чего?

Паштет обожаю, его можно мазать на хлеб, на палец и просто есть из банки ложкой. Французская кухня, как и русская, зависит от состава продуктов и от щедрости хозяев... Вот пельмени, а можно и сальца подрезать, дранички со сметанкой. Есть хочу!!! Уговариваю, смеюсь, кокетничаю, целую, и наконец-то мы едем в супермаркет. Вот оно французское богатство и изобилие сыров, колбас, пряностей! Для меня, как в музее – все недоступно, но притягательно.

– А давай это купим?

Как больно он толкнул меня! Зверь. Сейчас крикну и побегу! А если о чем-нибудь меня спросят, а я не знаю, как мне ответить, законов не знаю. Пока буду думать, какое слово сказать, он может обвинить меня в воровстве. Вот и доллары найдут при обыске... Или покажет приглашение, где он несет за меня ответственность, и мы снова останемся с ним наедине, и я буду вся в его власти, и он будет меня пытаться теми ножичками, которые у него параллельно разложены в комод. Никаких истерик! Побег должен быть продуман.

– Ладно, любимый мой, хороший. Зачем нам эта колбаса?

Ждать... Владимирская Богоматерь, объясни, что со мной. Помоги мне!

Глазами поедаю аппетитно выставленные на витрине пирожинки, корзиночки, ягоды.

– Спасибо.

Хочется смеяться... Купил мне водичку.

– Любимый мой, ты самый лучший.

Глажу его по руке. Ненавижу, ненавижу, я хочу к сыну, я – мать, я жить хочу. Мне нужно в комнату, там мое спасение – молитвослов.

– Сегодня, машер, мы идем в гости!

Деревня в горах, море... А какие красивые дети, как они хороши! Красоты острова вошли в них и отразились на их чудесных, румяных личиках. Чистые корсиканские уточки увиты зеленью (жалко, что ее не едят). Уютный одноэтажный дом, как из сказки. Стекланный шкаф с коллекцией кукол из разных стран, а русской – нет.

А хотите, я вам вышлю? Сейчас войду в доверие, может, покормят? Где наши русские бабушки, которые при виде гостей сразу начинают передвигаться по кухне и с гордым, беспоконным видом выставляют на стол, покрытый клеенкой, вкусненькие пирожки, картошечку, соленья, варенье. Сейчас у него в холодильнике лежит курица; ее можно приготовить и так, и эдак, а можно всю отварить и сразу съесть с солью, а нужно растянуть на несколько дней... Сколько?!

– Она умеет петь. Спой, машер. Шансон рюсс.

Картошка исчезла вместе с бабушками. Украинская песня спокойно разлилась по комнате, раскрывая своими переливами любовь к жизни. Все решится.

Хозяин проводит нас по дому, в котором много антиквариата, старых тумбочек, пуфиков, комодов, зеркал, вазочек, показывая каждый предмет, который для него представляет какую-то ценность, ну очень важную гордость и богатство. А у нас в России гордость и богатство – на столе и, вообще, не принято так долго гостить на голодный желудок.

Выходим из дома.

– Мерд!

Опять «мерд» (гадость)?! Он только что сказал, что это его друг, зачем мы сюда приходили, отметиться?

На следующее утро у него по плану церковь. Батюшка Петр – поляк.

– Он мечтал о своей любви, и наконец-то Вы нашлись, – говорит Петр.

– Это Инесса... – представляет он мне старушку маленького роста, которая гладит меня по руке, причмокивая губами, старается вспомнить что-нибудь по-русски.

– Она фотографировала меня. Только ей я доверил это серьезное дело, так как другие – мерд.

А я хочу помолиться... Мне страшно.

Каждый день мы ходим по пять и больше часов по городу, нигде не садимся, так как он не хочет платить за место, приводит к друзьям, которых не любит, в церковь, в которой не молится. Зачем? Отмечаемся? Для чего?

Красивая блондинка в возрасте смотрит на меня с любопытством на улице. Пнуть ее, что ли? А может, прижаться к ее руке, и она меня спасет? «Вы фотомодель?» – спрашивает она меня. Любопытно ей, а мне как быть?

Опять дни тянутся... Убрал со стола разговорник: «Тебе не нужно учить язык, и так хорошо».

Когда он уходит, учу французский с помощью телевизора, но слыша от него знакомые слова, делаю удивленные глаза. Он доволен. Смеюсь, целую его. Да, мне бы в разведке служить! Больше писем не отправляем: дорого. Я не спорю, мне нужно бежать.

Утро. Запланирована поездка в шоп-магазин.

Платье одно, второе, брюки, юбка, блузка: «Мерь». Сколько нарядов!.. И все мне?..

Билеты домой лежат на тумбочке, чтобы он был спокоен. Ушел. Чем он дышит? Иду по квартире: две комнаты забиты его аккуратно развешанной и разложенной одеждой, расставленной обувью. Может, он изменился и теперь хочет и мне такое «богатство барахла»?

Фотографирует меня в разных нарядах: на скамейке в парке, теперь у фонтана в купальнике. Странно: на еду, бензин, марки денег нет, а тут такая щедрость – стопка фото на столе, да не стопка – башенка в тридцать сантиметров. Со снимков смотрит подтянутая, смуглая – я, глаза зеленые, соболиные брови, черные ресницы, яркая открытая улыбка. Актриса. Спасайся! Как? А вот так – через балкон по веревке из простыней, как в кино, – и на улицу. Но дальше куда, к кому? Одна я с ним не справлюсь.

Матушка Владимирская Богоматерь, помоги, защити, мне нужен спаситель, чтобы он был человек уважаемый в полиции и чтобы его знали в аэропорту. Кто это? Священник Петр, та блондинка, парень с автозаправки – кто? Как я одета? Короткие юбки, открытые сарафаны – видок! Ни добропорядочности, ни душевности, а вызывающий только одну мысль вид.

– Сегодня мы едем заказывать путешествие в туристическую фирму.

Выбирает, советуется, хохочет. Уходим. Куда теперь? «Нужно договориться в церкви о венчании».

Служебный вход закрыт, заходим в церковь по центральной лестнице. Запах ладана окружил меня: любовь, жизнь моя.

– Мерд, – закрывает нос, морщится, плюется. Враг!

Темный зал, узкие окна, деревянные лавки, в глубине зала – сцена. Проходим вперед, от неожиданности у меня ноги стали тяжелыми и непослушными, силой всего своего зрения вижу стоящую на деревянном постаменте единственную икону в зале. Это она – Владимирская Богоматерь, всего лишь репродукция, аккуратно оформленная в рамочку, но ее образ, ее присутствие здесь?! Предупреждает: пора!

Разговаривать в церкви ни с кем не пришлось. Садимся в машину, через квартал кафе на улице под невысоким зданием с балконами.

– Сиди здесь, я куплю тебе сегодня сок.

Я добрый. Скоро я буду богат: пятьсот тысяч долларов решат все. В пятницу мы вместе едем на юг острова, и ты наконец-то увидишь Корсику. Ты меня будешь всю жизнь вспоминать. Пей. (Делаю вид, что не понимаю, но люблю и обожаю...)

В первый раз за месяц сок! Ушел. Читаю молитвослов. Чувствую, что начинаю падать со стула от тяжести, которая давит мне на голову и плечи. Пересиливая себя, поднимаю глаза. Надо мной на балконе он и чужой человек вместе смотрят на меня. Оценивают. Господи, ты же здесь! Что все это значит? Меня продают?!

Мысли выстроились в логической последовательности: голод – чтобы я была согласна на все за мороженое, загорать – чтобы имела товарный вид. Да... все наши выезды на море закончились, когда у меня сгорело личико. Он кричал, толкал, говорил, что все во мне ужасно: грудь маленькая, волосы короткие, и он жалеет, что со мной связался. И пляж был для меня закрыт. Фото, одежда – чтобы сделать рекламу. Все ясно... Прогулки многочасовые, демонстративные по городу, походы к знакомым, в церковь – для того, чтобы все видели, что он ухаживает, любит, хочет жениться, путешествовать.

И вдруг... я исчезаю. «Ах, какой я несчастный, помогите мне ее найти! Она сбежала с другим». А я уже там, в далеком Египте, или еще где-то и в роли кого?.. Это уже другая – загробная жизнь... Господи, помоги мне! Я буду лучше, я уже все поняла! Где тот, кто мне поможет?.. Осталась одна ночь, мне страшно, я должна услышать маму, спросить совета у Зины, она ясновидящая, она чувствует, знает, подтвердит.

– Любимый, скоро наша свадьба, я должна спросить благословения у мамы. (Нужно следить за мимикой.)

Набираю номер:

– Мамочка, мамочка, он хороший, у нас скоро свадьба. Стоит рядом, машет головой, слыша знакомые слова.

– Где Зина? Спроси ее, покажи его фотографию. (Улыбаюсь и подмигиваю ему.) Он рядом. Быстрее.

Голос мамочки твердый до смешного:

– Дай ему трубку, я с ним поговорю. Я спасу тебя.

Как, любимая? Ты так далеко!

– Зина приходила ко мне и только что ушла, сказав, что если ты не вернешься сама, придется разыскивать тебя через Интерпол.

– Мамочка моя, я все поняла. Я тебя люблю!

Ноги, руки онемели, сил нет держать улыбку на лице, вот он – моя смерть.

– Спасибо, любимый.

Ночь. Сейчас побег, а спаситель, где он? Тот, которого любит Корсика, знают в аэропорту и уважают в полиции!.. Господь будет рядом со мной и матушка Владимирская Богоматерь.

Мои движения стали мягкими. Дыхание спокойным. Вещи почти сложены в сумку, билеты, паспорт, деньги. Слышен храп. На цыпочках, подкладывая кофту под ступни, чтобы не слышно было скрипа... Вот она, дверь. Сумка. Ноги не идут. Ключ, щелчок. Все! Бегом! Куда?! Подъезд. Куда? Темное пятно через дорогу. В лес! Бегом! Ветки в лицо. Сарай, битое стекло, палки. Забилась в самый угол. Сумка, документы, билеты, деньги. Все?!

Не все. Слышно: выбежал из подъезда, заводит машину. Свобода зависела от одной минуты? Что дальше? Но меня же спасли, мне же дали убежать, значит, я не одна! Спать...

3

Открыла глаза. Темнота растворилась, испарилась вместе со страхами. Я спасена!

Лежа на досках, смотрела на небо, которое чуть проглядывало через буйство веток. Вера в то, что я не одна, усилилась и подтвердилась.

Осмотрелась: стекла, бутылки, банки, доски. Как я могла здесь лежать, и что я буду есть? Ну ничего, сейчас переоденусь. Все корсиканские обновы остались в том доме, через дорогу. А вот мои брючки, зеркальце. Подкрасить ресницы.

Сад утопал в зелени. Пение птиц было слышно повсюду. Их было так много, что это удивляло и радовало: рай прямо через дорогу.

Теперь нужно идти... но куда? Сейчас выйду, поймаю машину и поеду прямо в аэропорт, а там меня уже ждут. Он ни перед чем не остановится, чтобы добиться той страшной сделки. Нет, туда мне нельзя. Здесь я в безопасности, он не догадается меня искать в этом полудиком лесу, который вселяет в него ужас. Да он как увидит этот беспорядок, так сразу и убежит. Он же меня ждет именно там, где, по его мнению, разумный, цивилизованный человек спрячется. А я неразумная, я русская, это у нас в крови в лес прятаться, еще с первой мировой, и бабушка у меня партизанкой была.

Я счастлива, хочется шутить, танцевать и кушать. Спасение в райском саду. Гуляя по саду с сумкой, как по вокзалу, присела на качели, которые подо мной полностью развалились. Упала. Смешно – это я такая дородная или... Интересно, а кто хозяин этого места с птицами, сараями, ветхими качелями? В глубине сада, далеко от дороги белый высокий коттедж, лает собака и никого. Обошла дом уже который раз вокруг – никто не выходит, да и мне идти некуда. Знаю, верю: если я уже здесь, то скоро буду дома! Как? Уповать на волю Бога и ни о чем не думать – ноги сами приведут.

На пороге вышла женщина, чисто Баба-яга. Конечно, я не видела сказочную старушку, но хозяйка подходила на эту роль как нельзя лучше. Мне было потешно и страшно. На ломаном французском языке я начала приветствовать ее. И тут, что со мной? – это мое спасение: этот дом, сад, собака, эта француженка. Взяв ее ладони, я прошу, жалуюсь, молюсь, плачу, рассказывая, как я жила, как попала на остров, а вот, посмотрите, мой фотоальбом, это мой сын, а тут мои родные, а вот так я выгляжу, когда сижу за рулем своей машины, уверенная в себе и в своих желаниях, которые меня привели к Вам! Старушка уходит в дом и через какое-то время выносит мне кусок хлеба, воду и деньги. Деньги? Мне подали милостыню? Я люблю тебя, жизнь! Сначала виза в ладошки, теперь – французская копеечка.

– Прошу Вас, госпожа, не нужно звонить в полицию, пожалуйста.

– Не волнуйтесь, я звоню своему сыну Филиппу. Пейте, ешьте и не плачьте, он все решит и не обидит Вас.

Сижу на крыльце чужого дома. В одной руке – альбом с дорогими, любимыми лицами, а в другой – хлеб. стакан воды, в кармане милостыня, а рядом лает, рвется с цепи собака. Испытательный миг. И хорошо.

Вскоре она предложила зайти в дом. Беспорядок на каждом квадратном сантиметре этого жилища, полностью заваленного какими-то стульями, комодами, подушками. Отодвинув пакеты, бумажки, свертки на столе, освободив кусочек чистоты, хозяйка предложила мне поесть. На столе появились колбаса, помидоры, зелень, сыр, от которого пахло ужасно, да еще весь в плесени. Вот это щедрость, я его есть не смогу! Как же так, гостей испорченными продуктами кормить. Женщина заметила. Улыбнулась:

– Это французский сыр. Вкусно.

Гостеприимно предложила батон хлеба, масло, чай.

– Ешь.

Я плачу, все время плачу, мне есть страшно, спрашиваю разрешение каждый раз, когда протягиваю руку то к колбасе, то к сыру, который я уже люблю, но с плесенью как-то есть непривычно.

– Можно, я это уберу? – вежливо счищаю плесень.

– Вот и он, мой сын Филипп.

Тяжелый, тучный корсиканец. Ноги обезображены язвами, кудри прилипли к вспотевшему лицу. Он тяжело дышал, видно было, что каждый шаг ему дается нелегко в эту обеденную жару. Взгляд мой остановился на надписи на его футболке: «Аэропорт френч».

– Вы работаете в аэропорту?

– Да.

– А полиция?

Смеется, спокойно передвигаясь по кухне, садится напротив меня:

– Мой лучший друг – начальник полиции. Зачем? Не нужно плакать. Ну, бьютифул, мадам...

«Фул...»: как-то вытягивалось, звучало мягко, ласково, надежно.

– Бьютифул, – повторял Филипп, по-доброму осматривая меня, как красивый цветок, который в его руках, и он не знает, что с ним делать: сорвать, поставить в вазочку, продать на базаре или оставить в родном месте жить.

– У тебя есть билеты обратно домой? Ты видела Корсику? Мы поедем в аэропорт и все уладим. Не волнуйся, ты со мной, тебя никто не обидит – мое слово. Это знают на Корсике.

– Но, Филипп, мне нужно тебе все рассказать, я должна тебя предупредить: меня обидели, обманули, преследуют в конце концов.

Мы заезжаем в кафе на разговор. Горячий кофе, французская мягкая, душистая булочка.

– Рассказывай, но не плачь.

Я рисую, жестикулирую, показываю свой альбом, рассказываю ему, что я хотела, о чем упорно мечтала, что все время хочу есть. Изредка к нам подходят люди, приветствуя нас и осматривая меня, задают вопросы, на которые получают ответ от Филиппа, после чего их взгляд становится более сдержанным, но все-таки любопытным.

– Фотомодель?

Сурово сдвинув брови, Филипп как бы извинялся за их любопытство.

– Кушай и не огорчайся, ты особая, такие здесь редкость. Вот они и ходят. Люди на Корсике дружные, веселые, хочу, чтобы ты уехала домой, поняв это.

Мы едем в аэропорт, а вот и те поля, через которые я должна была бежать прямо на взлетную полосу.

– Филипп, держи меня за руку, а лучше привяжи меня к себе.

Смеется, ласково кивает головой.

В аэропорту нас встречают, приветствуют:

– Кто это, твой цветок?

– Это моя гостья из Сибири. (Какой-то пилот начинает рычать, как медведь. Да, у нас по улицам и такие ходят, как выпьют.)

Мой друг разговаривает, уточняет, обсуждает и крепко держит меня за руку, а позади в нескольких шагах... ко мне направляется он, мой враг!

– Машер, вернись.

Протягивает ко мне руку и холодно, мертвецки тихо, чтобы не спугнуть, притрагивается к моей руке.

– Помогите!!! – закричала я.

Сурово, сильно, властно Филипп посмотрел на этого трясущегося, жалкого человека. Ничего ему не сказав, отвел меня в сторону.

Мы уже в машине. Вокруг все дышит морем, дикой природой. Одна рука согрета теплыми большими ладонями, а на другой – красное ровное пятно, как ожог. Странно и страшно: неужели он меня так схватил или это его ненависть так сильна, что прожгла мою кожу? Злодей!

Пастух, перегоняющий стадо через дорогу, приветствует нас. Песня Корсики сочно, как гамма, переходит в звуки волн, бьющихся о берег, эхом отзывается в горах и переливами отражается в кассетной записи.

Пляж. Все здороваются, задают те же вопросы. Филипп стоит впереди, загораживая меня ото всех и не давая смутить. Мозоль дала о себе знать, больно. Степенно берет меня на руки, а я, как в колыбельке, и, как рыбку, выпускает меня на волю.

– Плыви. Опа!

Парк. Вечерний ужин.

– Выбирай, что ты будешь?

Удары, толчки еще вибрируют в моем теле, отдаваясь в сознании. Музыка заиграла громко, танцевально. Люди, смеясь, кружились, менялись местами, хлопая в ладоши, отбивая в такт каблуками. Я была вместе с ними, они приняли меня. Но не все. За стойкой бара – мулатка, крепкая, коренастая, смотрит на меня недобрым взглядом. Филипп спокойно гладит ее по руке и уходит в глубь танцующих людей. Ах вот оно что. Да нет же, это ошибка, я ей все объясню. Проникновенно улыбаясь, начинаю: «...Я на пути домой, там мое счастье, а здесь я по своей вине». Взгляд корсиканской дамочки смягчился. Угощает меня напитком, жму ее руку и очень убедительно смеюсь.

Полночь. Охранник поднимает шлагбаум на выезде и подмигивает, желая сладкой ночи с красоткой. Мой спутник качает головой, как бы укоряя его, смотрит на меня с выражением неловкости и рассеянности, как бы и сам не знал и не ведал, и, вообще, забыл, что такие бывают на острове, где живут лишь щедрые и добрые.

Хозяйка встретила меня не очень дружелюбно. Поднимаемся вверх по лестнице в комнату. Музыка, диски, кассеты, кубки, медали, фотография на стене, а вот Филипп – красивый, стройный в команде футболистов, окруженный высокими, статными игроками. Вот почему его знают многие местные жители, а на этой фотографии – с девушкой, на ноге язв нет, и тело не обезображено этой ужасной полнотой. Что произошло?

– Раньше я играл в корсиканской футбольной команде. Был вратарем, потом получил травму колена. Начал полнеть... язвы. Врачи хорошие – это проблема здесь... Сейчас работаю в аэропорту грузчиком, у нас своя земля, на которой работники выращивают виноград. У меня много друзей.

– Почему столько птиц?

– Это мамины питомцы, каждое утро она разбрасывает корм по всему саду. Спи, я не обижу тебя.

Отдельная комната, постельного белья нет: наверное, мамочка сердится. Утром в доме появилась женщина, сестра Филиппа, которая демонстративно махала руками, указывая на меня, предостерегая.

– Все сложно. У него приглашение, и он несет за тебя полную ответственность. Все будет хорошо. Нам нужно собраться.

Мы в аэропорту, скоро мой вылет, Филипп крепко держит меня за руку, осознавая важность победы. Билеты переоформлены.

– Ты можешь лететь, иди. Я выйду к самолету проводить тебя.

Скоро посадка, а за стеклом – ужас! – бегают эта злыдня и тычет в лицо полицейскому какой-то бумагой. Вежливо дама в форме приглашает меня пройти с ней «для выяснения определенных обстоятельств».

– А самолет, вы что, забыли, я же гостя Филиппа, я лечу домой, где тот дядька, который рычал медведем?

Полицейская комната. Человек в форме задает мне вопросы:

– У Вас есть от него «презенты» (послышалось мне)?

– Нет, я ничего не брала, вот посмотрите! – суетно начинаю доставать из сумки свои вещи: брюки, молитвослов, купальник, косметичку, ах вот, помада, он мне ее подарил, мне не нужна – возьмите.

– Да нет же, – извиняется полицейский, – не «презент», а «приглашение», – на ломаном русском уточняет он.

– Что? Какое приглашение? Да он фашист, смотрите, – показываю вся в слезах ожог на руке, – он меня пытал, да... Ну что же сказать?! – Мама, да, моя мама будет обращаться в Интерпол! – в конце концов сообразила я.

Сколько времени? Самолет должен уже взлететь, но меня ждут. Только на Корсике это возможно – на этом окруженном со всех сторон водой маленьком островке. Филипп, уставший, ждет меня. Эх, жаль, что я не увидела весь этот сказочный остров.

Поднимаюсь по трапу самолета. Вот так бывает. Жизнь женщины: мечты, одиночество, глушь, испытание, спасение... И все?!

Я должна красиво завершить этот эпизод моей жизни.

– Прощай, Корсика! – крикнула я, стоя на трапе самолета, подняв демонстративно руку, упиваясь своим спасением. Чего-то еще не хватает для полной концовки. Ах да!

– Филипп! Я люблю тебя!

Еще бы крикнуть что-нибудь, но, по-моему, и так переборщила, да и ладно. Смех и наслаждение, благодарность – все было на моем загоревшем лице, когда я увидела сосредоточенных, ждущих меня пассажиров. Ну, полетели. Ух!

И тут, вот так запросто, как на блюдечке внизу, весь, как и просила, силуэт острова, знакомый по сувенирным открыткам, попрощался со мной, исполняя мое последнее на его земле желание: смотри, ты хотела увидеть весь остров. Прощай!

Дама, сидящая рядом, с любопытством оглядывала меня. Желает начать разговор, а мне сейчас только и болтать обо всем, что со мной произошло, о том, как спасение было вымолено и пришло, как хотелось, как просилось. Что есть нечто, охраняющее нас особенно, когда мы об этом сильно просим. О родителях, которые ждут меня, о сыне, которого чуть не оставила на всю жизнь. Ну что, поговорим? О том, что люди разные... и чистота в доме – это не показатель гостеприимства, а сломанные качели, заброшенный сад, весь в пении птиц, – это не основание осуждать и сравнивать. Это жизнь! Ее любить нужно, а значит – ценить то, что есть. Понять, что все нужное рядом, а важное – впереди. Приятно познакомиться...

Мы болтали на трех языках, ахая, вздыхая, сочувствуя и радуясь друг за друга. Собеседница летит в Париж оперировать сына: проблемы с ногой. Ему нужна помощь. Как помочь? Я верю: у вас все наладится. Обязательно! Обнимаемся на прощанье, как родные.

При выходе из самолета меня встречает полицейский:

– Мы должны вас сопроводить на самолет в Москву, нам звонили с Корсики. (Я и ему хочу все рассказать.) Автобус довезет Вас до другого аэропорта, оттуда Вы отправитесь домой.

– Что? Несколько аэропортов, а сколько ехать?

– Чуть больше часа.

Стою около водителя, интересуясь, долго ли, можно ли побыстрее, я домой хочу, пожалуйста. А он песни поет... То ли опять свой альбом с фотками показать? Наконец-то. Бегу к администратору.

– Хэллоу, мадам, мне на Москву... Что? Где? Посадка закончена? Да я с Корсики! Вам что, не звонили?.. Стой!..

Все слова забыла. Что мне теперь делать, что?

– Девушка, Вам помочь?

– Да отстаньте Вы.

Ой, русская речь, здесь! Поднимаю глаза: оба-на, красавчик: глазки черненькие, зубки беленькие, хорошо сложен, ухоженный.

– Я могу Вам помочь. Что мне спросить у администратора?

– Как мне улететь домой и когда.

Вежливо, официально, спокойно ведет диалог, а эта дамочка с каменным лицом даже не реагирует на его привлекательность.

– Вам нужно устроиться на ночь в гостинице, которую предоставляет по заявке аэропорт, а утром Вы отправитесь домой. Пойдемте вместе, я тоже опоздал. Я помогу Вам решить Ваши вопросы.

Ночь в Париже. Это же мечта!

– Вы очень красивы, почему Вы одна?

– А я не одна – за мной вся страна! Шучу. Из гостей, конечно.

Ну очень хочется все, все рассказать: сколько за меня давали – пятьсот тысяч долларов! «Ну, если я так дорого стою, нельзя ли мне получить хоть немного наличными?» – опять шучу, это же не мультяшная история про Карлсона. Собеседник идеальный: можно не ломать язык, а по-нашему все выложить. Лучше помолчать.

Холл гостиницы.

– Вот Ваши ключи. Все улажено. Спокойной ночи!

Как это? А Париж!?! Стоп!

– Я назначаю Вам свидание здесь и прошу Вас сопровождать меня, гуляя по невиданному пока мне городу.

Эйфелева башня «гремела» своими огнями. «Как елка у нас в Центральном парке, – красиво!» Рядом киоск, в очереди наши: «Привет!» Что-то они не очень обрадовались, услышав родную речь, которая, наверное, нарушала их экзотическое восприятие французского мира. Ну и ладно.

Собор Парижской Богоматери, пустеют улицы, скоро утро. Желание всеми импульсами забилось в моем теле. Нежной, страстной, мгновенной была парижская ночь.

Из аэропорта сделала звонок: «Мама, я еду домой, ту-ту-ту...» Вот и денежку, поданную мне француженкой, потратила на самое важное, о чем я так хотела сказать в этом месяце.

В самолете людей мало. Хочу – лежу, хочу – опять лежу. Красота! Вкусная французская кухня аппетитно прощалась своим небесным обедом. Пожалуйста: соки, шампанское. Возьму, пригодится.

– Можно, я с Вами сяду? – обратилась ко мне женщина.

Что?.. Самолет пустой... Зачем?.. Очень захотелось выразить знак протеста, но сейчас все продуманно и ничего просто так не происходит, я не дома, а на пути домой, и этот путь изначально контролируется, и все люди для чего-то даются. Все не случайно. Все нужно и важно.

– Конечно, садитесь, пожалуйста.

– Познакомимся? Я лечу от дочери, у нее муж работает по контракту в Париже, и – какое счастье! – родился пятый внук.

– Это прекрасно!

– Я модельер, работаю по кружеву... И хочу с Вами поговорить... Понимаете, Вы очень красивы, такие в Москве сидят по дорогим домам за плечами богатых мужей. У Вас есть красота... образ Мадонны. Но как Вы одеты? Давайте все обсудим.

Вашей внешности нужна оправа, а именно: снимите этот ободок, уберите волосы, сотрите яркую помаду. Юбка синяя, блузка красная – не рябит в глазах?.. Одежда должна быть благородных тонов. Посмотрите: вот сидит дама. (Дама, сидевшая напротив, уже спала.) Серые брюки, деликатная блузка бежевого цвета.

– Людочка, я поняла, все поняла. Спасибо Вам.

– А теперь рассказывайте Вы...

– С удовольствием. Понимаете, я очень просила Владимирскую Богоматерь...

Все сюжеты менялись, группировались, следуя, повествуя, подытоживая.

– Да на основании Вашего рассказа можно, детально поработав, написать интересный, эксцентричный, поучительный сценарий для красочного фильма, события которого начнутся в Москве... Третьяковка... Сибирь... Париж... Корсика... Предлагаю: оставайтесь погостить у меня. Я Вам покажу святые места Москвы, мы будем с Вами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.